

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-769-773

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилович,
кандидат медицинских наук, старший научный
сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

НОМО INCARCERATUS: ТЮРЬМА КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КАТАЛИЗАТОР

Аннотация. Статья представляет исследование феномена тюремной изоляции как антропологического катализатора – условия, в котором базовые свойства человеческой природы обнажаются, гипертрофируются и кристаллизуются в особый тип личности, обозначаемый как *homo incarceratus*. Опираясь на концепции тотальных институтов Ирвинга Гофмана, анализ деприаций Грешема Сайкса, феноменологию социальной смерти Лизы Гюнтер и современные исследования пенитенциарного стресса, автор рассматривает, как социальность, иерархичность, агрессия, творчество и духовность трансформируются в условиях заключения. Показано, что тюрьма выступает не просто местом лишения свободы, но экзистенциальной лабораторией, в которой человеческая природа испытывается на пределе возможного, порождая как патологические деформации, так, в редких случаях, возможности для подлинной трансформации.

Ключевые слова: *homo incarceratus*, антропологический катализатор, тюремная субкультура, тотальный институт, деприация, пенитенциарный стресс, иерархия, дегуманизация, социальная смерть, идентичность.

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
PKU "Research Institute of the Federal Penitentiary Service"

НОМО INCARCERATUS: PRISON AS AN ANTHROPOLOGICAL CATALYST

Annotation. The article presents a study of the phenomenon of prison isolation as an anthropological catalyst - conditions in which the basic properties of human nature are exposed, hypertrophied and crystallized into a special type of personality, designated as *homo incarceratus*. Drawing on Irving Hoffmann's concepts of total institutions, Gresham Sykes' analysis of deprivation, Lisa Gunther's phenomenology of social death, and contemporary studies of penitentiary stress, the author considers how sociality, hierarchicity, aggression, creativity, and spirituality are transformed in incarceration. It is shown that the prison acts not just as a place of imprisonment, but as an existential laboratory in which human nature is tested to the limit of what is possible, giving rise to both pathological deformations and, in rare cases, opportunities for genuine transformation.

Key words: *homo incarceratus*, anthropological catalyst, prison subculture, total institution, deprivation, prison stress, hierarchy, dehumanization, social death, identity.

Введение: тюрьма как антропологическая лаборатория. В истории философской мысли тюрьма никогда не была лишь местом наказания. От платоновской пещеры до «Записок из мертвого дома» Достоевского заключение осмыслялось как пространство предельного опыта, в котором человек, лишенный привычных опор, оказывается наедине с собственной сущностью. Но что происходит с этой сущностью, когда изоляция длится годы и десятилетия? Какие грани человеческой при-

роды обнажаются, какие атрофируются, а какие рождаются заново в бетонных стенах?

Понятие «катализатор» заимствовано из химии, где оно обозначает вещество, ускоряющее реакцию, но само в ней не расходуется. Тюрьма выступает таким катализатором для антропологических процессов: она не создает человеческие свойства из ничего, но многократно ускоряет их проявление, доводит до крайних форм, делает видимым то, что в обычной жизни

остается в тени. Как отмечает С.Б. Пономарев, тюремная субкультура представляет собой уникальный объект социальной антропологии, поскольку сообщество лиц, отбывающих наказание, обладает всеми признаками автономной социальной системы со своей структурой, нормами и механизмами воспроизводства [1].

Человек, переступивший порог исправительного учреждения, не остается тем же, кем был на свободе. Запускаются процессы, которые либо разрушают его личность, либо трансформируют ее до неузнаваемости. Возникает особый человеческий тип – *homo incarcatus*, человек тюремный, чья антропология определяется не столько прошлым опытом, сколько настоящим положением в замкнутой системе тотального контроля.

Социальность: от сообщества к выживанию. Человек есть животное социальное, учил Аристотель. В тюрьме это определение подвергается жесточайшему испытанию. С одной стороны, заключенные никогда не бывают полностью одиноки, они живут в перенаселенных камерах, где телесная близость достигает предела, несовместимого с психологическим комфортом. С другой стороны, эта вынужденная социальность лишена того, что делает человеческое общение подлинным: свободы выбора, доверия, интимности.

Ирвинг Гофман в своем анализе тотальных институтов показал, что тюрьма систематически разрушает привычные социальные связи и замещает их искусственной структурой, где все отношения определяются формальным статусом. Заключенный теряет не только свободу передвижения, но и свободу выбора собеседника, свободу уединения, свободу молчания. Он вынужден постоянно находиться среди чужих, часто враждебных людей, и эта вынужденная социальность становится источником хронического стресса [2].

Исследования пенитенциарного стресса, проведенные М.Г. Дебольским, показывают, что тюремная изоляция провоцирует множество негативных изменений: переживания тревоги, страха, чувства безнадежности, беспомощности и постоянного напряжения [3]. У лиц, впервые попавших в места лишения свободы, отмечается угнетенное самочувствие, сниженная активность, преимущественно негативное настроение и высокий уровень депрессии. Социальность, которая на свободе была источником поддержки, в тюрьме становится источником дополнительного стресса.

Но парадокс заключается в том, что именно в этих условиях рождаются новые формы социальности. Тюремное сообщество вырабатывает сложные механизмы солидарности и взаимопомощи, жестко регламентированные, но позволяющие выживать. Как замечает Пономарев, внешне кастовая иерархизация в тюремном социуме

сходна с кастовой структурой древнего индийского общества [1]. Это сходство не случайно: в условиях предельного дефицита ресурсов и тотального контроля социальная структура неизбежно архайзируется, возвращаясь к наиболее древним, проверенным тысячелетиями формам организации.

Иерархичность: касты и «понятия». Базовое свойство человеческих сообществ, иерархичность, в тюрьме обнажается до такой степени, что становится почти осязаемой, материальной. На свободе социальные иерархии часто замаскированы, смягчены культурными нормами, допускают социальную мобильность. В тюрьме иерархия абсолютна, жестка и пронизывает все сферы жизни.

Грешем Сайкс в классическом исследовании «Общество заключенных» описал систему деприаций, порождающих тюремную субкультуру: лишение свободы, лишение материальных благ, лишение гетеросексуальных отношений, лишение автономии, лишение безопасности [4]. В ответ на эти деприации заключенные создают собственную социальную систему, компенсирующую утраченное. Иерархия становится способом обрести хотя бы иллюзию контроля над собственной жизнью.

В этой системе каждый занимает строго определенное место. «Блатные», «мужики», «опущенные»: эти категории не просто слова, они определяют всю совокупность прав и обязанностей, возможностей и ограничений. Пономарев подчеркивает, что уникальным явлением тюремной субкультуры является наличие в ней жесткого деления на тюремные касты, каждой из которых присущи специфические признаки и черты [1]. Переход между кастами практически невозможен, а нарушение иерархических границ карается с беспощадностью, неведомой на свободе. Что происходит с человеком, помещенным в такую систему? Он интериоризирует иерархию, начинает мыслить категориями рангов и статусов даже тогда, когда выходит на свободу. *Homo incarcatus* отличается тем, что для него любой другой человек прежде всего носитель определенного социального статуса, а не уникальная личность. Эта особенность мышления сохраняется на годы, а иногда и навсегда, делая невозможной полноценную интеграцию в общество, где иерархии сложнее и тоньше.

Агрессия: между подавлением и взрывом. Агрессия – одно из фундаментальных свойств человеческой природы, в тюрьме подвергающееся двойной трансформации. С одной стороны, система тотального контроля требует ее постоянного подавления: любое проявление агрессии к сотрудникам или даже к сокамерникам может

повлечь суровые наказания. С другой стороны, сама структура тюремной жизни постоянно провоцирует агрессию: скученность, несправедливость, унижения, страх.

В своем исследовании одиночного заключения Лиза Гюнтер вводит понятие «социальной смерти», состояния, при котором человек лишается возможности подтверждать свое существование через признание другими [5]. Это состояние порождает особую форму агрессии, направленную не столько на достижение конкретных целей, сколько на прорыв сквозь стену небытия, на то, чтобы быть замеченным, пусть даже ценой насилия. Агрессия в тюрьме принимает ритуализированные формы. Существуют неписанные правила, регулирующие, когда, на кого и как можно ее направлять. Ударить «правильного» осужденного нельзя, ударить «обиженного» можно и даже нужно, если требует ситуация. Эта ритуализация, с одной стороны, сдерживает тотальное насилие, с другой закрепляет дегуманизацию определенных категорий людей.

Коррекционный служащий по имени Трэвис в интервью исследователям так описал атмосферу в блоке одиночного заключения: «Вы не осознаете, насколько стрессово внутри этих стен. Ты чувствуешь себя заключенным. Заключенные управляют учреждениями, а ты должен делать все, чтобы заботиться о них, и никто не заботится о нас» [6]. Это свидетельство важно: агрессия и стресс захватывают не только заключенных, но и сотрудников, превращая всю систему в замкнутый круг взаимного ожесточения.

Творчество: сублимация в неволе. Казалось бы, тюрьма это место, наименее приспособленное для творчества. Но именно здесь, в условиях предельных ограничений, творческая способность человека проявляется с неожиданной силой. Татуировки, рисунки на стенах, стихи, песни, поделки из подручных материалов – все это свидетельствует о том, что творчество есть не роскошь, а базовая потребность человеческого духа. В психоаналитической традиции творчество понимается как сублимация, перенос энергии подавленных влечений в социально приемлемые формы. В тюрьме, где подавлены практически все влечения, сублимация становится едва ли не единственным способом сохранить психическое здоровье. Осужденные, которые находят канал для творческого самовыражения, значительно лучше адаптируются к условиям изоляции и реже демонстрируют деструктивное поведение.

Исследование программы GRIP (Guiding Rage into Power) в калифорнийских тюрьмах показало, что работа с эмоциональным интеллектом и осознанностью может приводить к глубоким позитивным изменениям даже у осужденных за

насильственные преступления. Участники программы демонстрировали глубокую приверженность самоосознанию и трансформации, что подтверждалось их нарративами и выбором визуальных образов [7]. Творчество здесь выступает не как развлечение, а как инструмент реконфигурации идентичности. Homo incarceraus, лишенный возможности творить в широком смысле: строить, менять, преобразовывать мир вокруг себя, обращает творческую энергию внутрь. Он творит собственное «я», пересобирает его из обломков прежней жизни и новых, тюремных идентичностей. В этом смысле каждый долгосрочный заключенный художник, а его материал собственная душа.

Духовность: встреча с предельным. Пожалуй, ни одно человеческое свойство не обнажается в тюрьме так глубоко, как духовность. В ситуации, когда отнято все: свобода, близкие, работа, будущее, человек неизбежно задает вопросы о смысле. За что? Почему я? Есть ли что-то за пределами этих стен? Эти вопросы ведут либо к отчаянию и распаду, либо к рождению нового, часто религиозно окрашенного мировоззрения.

Виктор Франкл, прошедший концлагерь, писал, что человек способен вынести почти любое «как», если у него есть «зачем». Тюрьма это место, где «зачем» подвергается радикальному сомнению [8]. Исследования показывают, что религиозное обращение в тюрьме явление частое и глубокое. Но это не всегда традиционная религиозность: многие заключенные создают собственные духовные системы, синкретические, странные, но искренние. В одиночных камерах, где человек проводит двадцать три часа в сутки в полной изоляции, духовные переживания могут принимать экстремальные формы. Гюнтер описывает это как «мертвое время»: время, лишённое событий, развития, будущего [5]. В таком времени человек либо умирает духовно, либо совершает прорыв к иному измерению существования, где ценность определяется не внешними событиями, а внутренним отношением к ним.

Парадоксальным образом, именно в тюрьме некоторые люди впервые встречаются с подлинной духовностью не как с культурным наслоением, не как с социальной привычкой, а как с экзистенциальной необходимостью. Homo incarceraus в своем высшем проявлении это человек, прошедший через горнило отчаяния и вышедший с убеждением, что есть нечто, чего у него не отнять: способность выбирать отношение к своей судьбе.

Идентичность: распад и сборка. Все описанные процессы сходятся в одной точке, в трансформации идентичности. Что происходит с «я» человека, годами живущего в тотальном институте? Исследователи выделяют несколько стадий:

дезорганизация прежней идентичности, адаптация к тюремной среде, формирование новой идентичности, и, в случае освобождения, мучительная реинтеграция. Анализируя идентичность заключенных, важно понимать не только историю заключения, быт и условия содержания, но и то, кем и как осужденный себя чувствует в стенах колонии, и какие практики он проходит. Идентичность формируется через практики, а практики в тюрьме специфичны: подчинение, выживание, иногда сопротивление.

Человек с многолетним сроком неизбежно становится другим. Меняется речь, осанка, взгляд, способы реагирования. То, что на свободе называлось бы паранойей, в тюрьме адекватная бдительность. То, что на свободе агрессивность, в тюрьме необходимый для выживания статус. Дебольский показал, что существуют достоверные различия в эмоциональном состоянии лиц с разным количеством судимостей [3]. Рецидивисты адаптированы к тюремной среде иначе, чем первые осужденные, но цена этой адаптации глубокая деформация личности.

Homo incarceratus это не просто человек, побывавший в тюрьме. Это человек, чья идентичность сформирована тюрьмой, для которого тюремные нормы стали внутренними, тюремные иерархии естественными, тюремные способы реагирования автоматическими. Он может выйти на свободу, но свобода не входит в него.

Заключение: катализ и его последствия. Тюрьма как антропологический катализатор действует неотвратно и безжалостно. Она ускоряет процессы, которые на свободе протекали бы медленно или не протекали вовсе. Социальность превращается в стадность, иерархичность в кастовость, агрессия в жестокость, творчество в суррогат, духовность в болезненную экзальтацию. Но та же самая сила может, в редких случаях, привести к обратному результату: подлинной трансформации, обретению себя через потерю всего. Хэттери и Смит, подводя итог своему исследованию одиночного заключения, пишут: это система, в которой никто не выигрывает и все проигрывают [6]. Заключенные теряют человеческое достоинство, сотрудники душевное здоровье, общество миллиарды рублей и перспективу снижения преступности. Но пока существует эта система, существует и homo incarceratus – человек, рожденный тюрьмой и обреченный носить ее в себе всегда.

Вопрос, который оставляет эта ситуация для философии, психиатрии и всего общества: возможно ли превратить катализатор разрушения в катализатор роста [9; 10]? Возможно ли создать условия, в которых изоляция будет не ломать, а собирать человека? Ответ на этот вопрос лежит

за пределами чисто пенитенциарной системы, он в области антропологии, этики и, в конечном счете, нашего понимания того, что значит быть человеком.

Список литературы:

- [1] Пономарев, Д. С. Тюремная субкультура: анализ феномена с точки зрения системного анализа / Д. С. Пономарев, В. Е. Полищук, С. Б. Пономарев // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Пермь, 02 апреля 2020 года / составитель В. А. Овченков. – Пермь: Пермский институт ФСИН России, 2020. – Т. II. – С. 272–275. – EDN EXZFPL.
- [2] Goffman, E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates / E. Goffman. – New York: Anchor Books, 1961. – 386 p.
- [3] Дебольский, М. Г. Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых / М. Г. Дебольский, Д. В. Мельникова // Психология и право. – 2015. – № 2. – С. 105–116. – DOI 10.17759/psylaw.2015100208.
- [4] Sykes, G. M. The Society of Captives: A Study of a Maximum Security Prison / G. M. Sykes. – Princeton: Princeton University Press, 1958. – 176 p.
- [5] Guenther, L. Solitary Confinement: Social Death and Its Afterlives / L. Guenther. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013. – 321 p. – ISBN 978-0-8166-7959-3.
- [6] Hattery, A. Locked Away: Why the System of Solitary Confinement Is Dehumanizing and Breeds Racial Resentment / A. Hattery, E. Smith // Milwaukee Independent. – 2022. – 21 October. – URL: <https://www.milwaukeeindependent.com/syndicated/locked-away-system-solitary-confinement-dehumanizing-breeds-racial-resentment/> (дата обращения: 19.02.2026).
- [7] Calhoun, S. Socio Emotional Learning Within Prison Walls: The Effects of GRIP Program (Guiding Rage into Power) as Perceived by Participant and Non Participant Incarcerated Persons / S. Calhoun, M. A. Maggioni, B. Paille, C. Regalia, D. Rossignoli // Journal of Community & Applied Social Psychology. – 2025. – Vol. 35, No. 1. – P. e70013. – DOI 10.1002/casp.70013.
- [8] Frankl, V. Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn / V. Frankl. – München; Zürich: Piper, 1979. – 276 S.
- [9] Искандаров, Р. Р. Пенитенциарный посттравматический рост: нейробиологические, психологические и реабилитационные аспекты / Р. Р. Искандаров // Психическое здоровье. – 2025. – Т. 20, № 10. – С. 82–90. – EDN YJRYKD.

[10] Искандаров, Р. Р. Теория выученной беспомощности как патогенетическая основа депрессивной дезадаптации осужденных: роль хронического стресса и депривации контроля / Р. Р. Искандаров // Право и управление. – 2025. – № 7. – С. 317–322. – EDN WETNWC.

References:

[1] Ponomarev, D. S. Prison subculture: analysis of the phenomenon from the point of view of systemic analysis/D. S. Ponomarev, V. E. Polishchuk, S. B. Ponomarev//Penitentiary system and society: experience of interaction: collection of materials VII International Scientific and Practical Conference, Perm, April 02, 2020/compiled by V. A. Ovchenkov. - Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2020. - T. II. - S. 272-275. – EDN EXZFPL.

[2] Goffman, E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates / E. Goffman. – New York: Anchor Books, 1961. – 386 p.

[3] Debolsky, M. G. Penitentiary stress and the features of its manifestation in convicts, suspects, accused/M. G. Debolsky, D. V. Melnikova//Psychology and Law. – 2015. – № 2. - S. 105-116. – DOI 10.17759/psylaw.2015100208.

[4] Sykes, G. M. The Society of Captives: A Study of a Maximum Security Prison / G. M. Sykes. – Princeton: Princeton University Press, 1958. – 176 p.

[5] Guenther, L. Solitary Confinement: Social Death and Its Afterlives / L. Guenther. – Minneapolis:

University of Minnesota Press, 2013. – 321 p. – ISBN 978-0-8166-7959-3.

[6] Hattery, A. Locked Away: Why the System of Solitary Confinement Is Dehumanizing and Breeds Racial Resentment / A. Hattery, E. Smith // Milwaukee Independent. – 2022. – 21 October. – URL: <https://www.milwaukeeindependent.com/syndicated/locked-away-system-solitary-confinement-dehumanizing-breeds-racial-resentment/> (дата обращения: 19.02.2026).

[7] Calhoun, S. Socio Emotional Learning Within Prison Walls: The Effects of GRIP Program (Guiding Rage into Power) as Perceived by Participant and Non Participant Incarcerated Persons / S. Calhoun, M. A. Maggioni, B. Paulle, C. Regalia, D. Rossignoli // Journal of Community & Applied Social Psychology. – 2025. – Vol. 35, No. 1. – P. e70013. – DOI 10.1002/casp.70013.

[8] Frankl, V. Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn / V. Frankl. – München; Zürich: Piper, 1979. – 276 S.

[9] Iskandarov, R. R. Penitentiary post-traumatic growth: neurobiological, psychological and rehabilitation aspects/R. R. Iskandarov//Mental health. – 2025. - T. 20, NO. 10. - S. 82-90. – EDN YJRYKD.

[10] Iskandarov, R. R. The theory of learned helplessness as a pathogenetic basis for the depressive maladjustment of convicts: the role of chronic stress and deprivation of control/R. R. Iskandarov// Law and management. – 2025. – № 7. - S. 317-322. – EDN WETNWC.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.